

Svetlana Pavlenko

DOI 10.15290/sw.2022.22.07

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich
tel.: +48 58 5233038
e-mail: svetlana.pavlenko@ug.edu.pl
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7443-2856>

Концепция времени и события в романе Григория Служителя *Дни Савелия*

Ключевые слова: хронотоп, современная русская литература, Григорий Служитель, память, прошлое

Григорий Служитель (род. 1983) известен отечественной публике прежде всего как актер московской “Студии театрального искусства”, основанной в 2005 году Сергеем Женовачем. Несмотря на то, что “литература всегда шла рядом” [Асланова 2021, online] с актерской деятельностью, писательский дебют артиста состоялся только в 2018 году, когда вышел в свет роман *Дни Савелия*, получивший впоследствии несколько престижных премий¹.

Работа над произведением началась в 2015 году и протекала в разных городах: Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Таллине, Париже, – но знаковым местом для Служителя стал греческий поселок с говорящим названием Метаморфозис (2016), поскольку именно здесь отчетливо наметился процесс “превращения из актера в писателя” [Служитель 2019, online]. Мощным импульсом к написанию *Дней Савелия* послужила смерть кошки, к которой актер был очень привязан и имя которой

¹ В 2019 году Служитель стал лауреатом премий “Большая книга” и “Ясная Поляна”, а в 2020 году выиграл Московскую Арт-премию.

указал в посвящении, открывающем роман. Использование зооморфного кода (выбор в качестве героя-рассказчика кота и попытка сконструировать образ московской фауны) позволило автору нетривиально подойти к осмыслению ряда философско-антропологических проблем, ведь под масками животных угадываются вполне человеческие черты и характеры.

Показательно, что проводником Служителя в мир литературы стал Евгений Водолазкин, согласившийся прочитать рукопись и отправивший ее своему издателю Елене Шубиной. В предисловии к роману *Лавра* автор подчеркивает художественное мастерство начинающего литератора, проявившееся в создании ярких и колоритных персонажей, а также формулирует важнейшую составляющую содержательной стороны произведения:

Коты в литературе – тема не новая. Не буду перечислять всех, кто писал об этих древних и неприкосновенных животных, хотя мысленно и веду их учет². (...) Скажу лишь, что герои Служителя – кто бы они ни были, коты или люди – настоящие. Одинокие и страдающие, смеющиеся и любящие. Любовь в этом романе заслуживает особых слов. Она – так уж сложилось – платоническая. Самая высокая из всех любовей [Водолазкин 2019, 9].

Служитель утверждает, что не старался сообщить своему тексту определенный идейный вектор, однако имел общее представление, о чем будет книга: “(...) о потерях и расставании навсегда. О цене счастья, его эфемерности и той тишине, которая нас оглушает, когда мы не получаем ответов на главные вопросы” [Служитель 2019, online].

² *Дни Савелия* чаще всего сравнивают с *Житейскими воззрениями Кота Мурра* (1819) Эрнста Теодора Гофмана и романом-притчей *Путь Мури* (2007) современного русского писателя Ильи Бояшова. Мария Раренко пишет: “Кот Савелий, как и его литературный предшественник кот Мурр (...), – прирожденный философ, наблюдатель, умеющий в то же время анализировать полученную информацию; он тонкий ценитель искусства, особенно музыки и живописи, он созерцателен и в то же самое время деятелен, он гурман, он воспринимает жизнь такой, какая она есть, стараясь найти в ней максимально возможные для себя предпочтения” [Раренко 2022, 128]. В произведении Бояшова главным героем-рассказчиком является кот Мури, путешествующий по Европе в поисках своих хозяев, оставивших его в Боснии во время гражданской войны в Югославии (1992). Впрочем, помимо “звериного” нарратора и мотива странствия, которые довольно часто встречаются в современной художественной литературе (достаточно вспомнить хотя бы *Хроники странствующего кота* японской писательницы Хиро Арикавы, изданные в 2012 году), романы Служителя и Бояшова имеют между собой мало общего. Несомненно, это образцы качественной прозы, но тексты авторов написаны в очень разных тональностях.

Смысловая и структурная многоплановость произведения неоднократно привлекала внимание исследователей, которые анализировали в своих трудах такие вопросы, как нарративные стратегии, детали-символы, виды и приемы комического, а также образ Москвы³, творчески переосмысленный и воссозданный писателем в первом и пока единственном литературном детище. Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть художественное время и его разновидности в романе *Дни Савелия*, а также наметить контуры концепции события (в хайдеггеровском смысле этого слова)⁴, тесно связанной с темпоральной организацией текста.

Пространственно-временные отношения в литературе определяются и интерпретируются отечественными исследователями, как правило, либо сквозь призму теории хронотопа Михаила Бахтина, либо в контексте культурно-семиотической концепции Юрия Лотмана. В своих работах Бахтин пишет о первичности времени над пространством: “время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории” [Бахтин 1986, 235]. В понимании Лотмана пространственная категория примарна по отношению к временной, т.е. темпоральный признак может быть маркирован или не маркирован в тексте культуры. В статье *Проблема художественного пространства в прозе Гоголя* он четко обозначил свою позицию ка-

³ См. Тишина Е.В., Рогова Е.Е., 2020, *Повествовательные особенности в романе Г. Служителя «Дни Савелия»*, [в:] *Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума*, ред. Шакурова М.В., Воронеж, с. 105–108; Осипова О.И., 2021, *Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия»*, “Научный диалог” № 11, с. 270–280; Дзайкос Э.Н., Зеленина В.С., 2021, *Символические детали как маркеры трагизма судьбы в романе Григория Служителя «Дни Савелия»*, “Казанская наука” № 2, с. 14–16; Глазкова М.М., 2021, *Функциональность приемов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия»*, “Неофилология” № 27, с. 467–474; Багратион-Мухранели И.Л., 2021, *Genius loci романа Г. Служителя «Дни Савелия»*, “Филология и культура” № 3 (65), с. 56–60; Раренко М.Б., 2022, *Городской ландшафт в романе Г. Служителя «Дни Савелия»: социальные аспекты*, “Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки” № 5 (860), с. 127–132.

⁴ Согласно Мартину Хайдеггеру, событие – это звено, соединяющее бытие и время, указывающее на их взаимопринадлежность. В докладе *Время и бытие* мыслитель поясняет, что событие “являет себя как хранимое протяжением времени вмещение уместности присутствия. Вмещение присутствия есть собственность (имение) события. (...) Время и бытие сбываются в событии” [Хайдеггер 1993, 404]. Событие – пространство человеческой экзистенции (бытие-в-мире, предполагающее в качестве одной из исходных категорий понятие Другого), в котором нечто проявляет себя и вызывает в индивидууме переживания.

сательно данного вопроса: “временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком”, который “принадлежит к первичным и основным” [Лотман 1992, 447].

На первый взгляд, *Дни Савелия* – это роман о пространстве и с пространством, красивое “признание в любви городу”⁵ [Коробкова 2019, online], что подчеркивается паратекстовыми элементами, например, отражено в названиях глав (*Особняк; Денисовский, 24; Село Елохово; Приют*). Главный герой произведения кот Савелий выступает в роли медиатора, позволяющего воспроизвести конструкцию московского мира. Он выбирает необычные ракурсы изображения города, топография которого определяется перемещениями персонажа и его временными местами обитания. Кроме того, наделение животного повествовательной функцией освобождает автора от гнета дополнительных объяснений и комментариев, оставляя таким образом простор для читательской интерпретации. Несмотря на выраженную “пространствоцентричность” романа, именно категория времени оказалась заявлена в заглавии произведения и выдвинута на первый план в предваряющем основное действие фрагменте, выдержанном в “бунинской” ностальгической тональности:

Вспомнишь ли наши ясные дни? Вспомнишь ли, как мы ежедневно встречали солнце на Яузе, а провожали его на Большой Полянке? Вспомнишь ли наши неспешные прогулки вдоль Бауманской? Вспомнишь ли, как согласно мы помахивали хвостами, спускаясь по Басманной? Улыбнешься ли, как в тот час, когда первый луч падал на золотой купол Никиты Мученика и слепил твой изумрудный глаз? Вспомнишь Покровку, Солянку, Хохловку? Господи, где-то оно все? Где-то оно все? [Служитель 2019, 16].

Частые ретроспекции, выступающие в тексте Служителя как композиционный прием и разновидность временного дисконтинуума, создают наслоения различных хронологических пластов, а также фокусируют внимание читателей на проблеме памяти и воспоминаний⁶,

⁵ Григорий Служитель родился и вырос в Москве. Во многих интервью автор признается, что “через созвездие его любимых мест проходил кот Савелий” [Коробкова 2019, online]. Одна из ранних версий названия романа – *Дети Яузы*. Яуза – это левый приток Москвы-реки, а Яузский (Сыромятнический) гидроузел относится к числу вдохновляющих писателя объектов. Изначально жизненный путь Савелия должен был ассоциироваться с течением именно этой петляющей реки.

⁶ Ольга Осипова пишет: “Воспоминания, во-первых, призваны рассказать о важном событии; во-вторых, это самоанализ и самопрезентация рассказывающего героя” [Осипова 2021, 273]. Как подчеркивает исследовательница, в случае романа Служи-

занимающих существенное место в романе. В *Днях Савелия* можно выделить следующие типы художественного времени: социально-историческое, биографическое, бытовое (время работы и отдыха), идиллическое, кризисное, внутреннее (хронотоп памяти, онейрическое время), границы которых условны и проницаемы. Стоит также добавить, что время здесь является не только литературной категорией, но и, будучи постоянным предметом рефлексии кота Савелия, становится одной из содержательных доминант произведения.

Социально-историческое время обретает свое концептуальное воплощение благодаря биографическому времени, охватывающему рождение, этапы взросления и смерть главного героя. Савелий появился на свет в июне 2010 года в коробке из-под бананов у старого особняка Морозовых. Морозовская богадельня, расположенная по адресу Шелапутинский переулок дом 3, в советские времена была известна как Родильный дом имени Клары Цеткин⁷, а в 1980-е годы пришла в запустение. Особняк – один из центральных образов в пространственно-временном континууме романа и локальное место памяти⁸ Таганского района Москвы, в котором прошлое, настоящее и будущее стягиваются в крепкий узел. Более того, связь с данным пространством объединяет трех персонажей. Речь идет о художнике Белаквине, Савелии и его “тезке” Савве Морозове (1862–1905) – “негоцианте, театрале и самоубийце” [Служитель 2019, 22], чья судьба рифмуется с судьбой главного героя. Появление особняка в первой и предпоследней главах своеобразно окольцовывает произведение, иначе говоря, играет роль композиционной скрепы⁹. Но для Савелия это прежде всего *locus solus* – место, связанное с самыми счастливыми воспоминаниями, отсылающими к детству и досугу, проведенному с Гретой.

теля мы имеем дело с разрушением привычных моделей, по которым выстраивается нарратив воспоминания: “Читателю представлен не отдельный важный эпизод, а целая жизнь кота, и наблюдение над окружающим миром людей довлеет над самоанализом героя-рассказчика” [Там же].

⁷ В этом же роддоме появился на свет Григорий Служитель.

⁸ Концепция “мест памяти” была разработана французским историком Пьером Нора. В трудах исследователя *lieu de mémoire* – это объекты, благодаря которым овещается национальная память. Места памяти имеют три измерения: материальное, функциональное и символическое [Нора 1999, online]. Стоит также добавить, что, по мнению Нора, память может проявляться не только в историческом дискурсе, но и в художественном. Таким образом, литература является важным подспорьем в процессе реконструкции мест памяти.

⁹ Стоит обратить внимание на замечание Раренко о том, что “жизнь Савелия начинается рядом с ним [особняком. – С. П.] и фактически здесь же завершается” [Раренко 2022, 129].

В романе социально-историческое время носит эфемерный и субъективный характер. Писатель подчеркивает, что выбранная им стратегия художественного миромоделирования была призвана втянуть читателя в увлекательную игру по дешифровке культурных кодов, переплетенных с авторской фантазией:

Например, Савва с мамой и сестрами перепрыгивают через ручей Золотой Рожок, а он засыпан уже сто с лишним лет. Но они его перепрыгивают. Либо церковь Вознесения на Покровке. Ее снесли, по-моему, в 1932 году. Но они ее проходят. Или пруд в саду Баумана, который не то чтобы засыпали, – его вообще никогда не существовало. Мне хотелось сделать такую игру, переключку с прошлым, в том числе с тем, которого никогда не было [Идрисова 2020, 71–72].

Служителя особенно привлекают пространства, в которых можно почувствовать темпоральные аномалии (ускорение и замедление / неподвижность времени, ахрония). По мнению писателя, Яузская Москва как изнанка столичного мира соткана из таких локусов. Таганка, Рогожская застава, Немецкая слобода, Замоскворечье, появляющиеся в романе, – это “места изгоев, там жили иноверцы, приезжие, там ютились люди, выброшенные за социальную ойкумену” [Идрисова 2020, 72]. Маргинал Савелий идеально вписывается в данные рамки.

Биографическое время (время бытия) главного героя начинается фактически еще до его рождения. Нахождение в материнской утробе вполне осознается Савелием, он ощущает присутствие своих братьев и сестер и наслаждается состоянием “чудесного неотличия” [Служитель 2019, 18], когда граница между “я” и “они” обозначена едва заметным пунктиром. С первых же строк романа подчеркивается исключительность протагониста, к примеру, в отличие от других котят, он рождается зрячим. Думается, это качество и позволяет ему без особых трудностей проникать в мир человеческих переживаний, реконструировать прошлое других персонажей и понимать их травматический опыт лучше, чем они сами.

Бытовое (досуговое) время маленького Савелия было наполнено наблюдениями за внешним миром через отверстие в коробке, а также путешествиями по городу. Каждое воскресенье проходило в семейном кругу у тети Мадлен¹⁰, проживавшей в районе Сыромятнического

¹⁰ Здесь, несомненно, прочитывается отсылка к роману Марселя Пруста *В поисках утраченного времени*, в котором основной темой является память и ее механизмы. Произведение Служителя интертекстуально насыщено и включает в себя цитаты,

шлюза. Совместный досуг Мадлен и Глории (матери Савелия) заключался в попытках вернуться в прошлое:

Подростковые ссоры, мелочные скандалы и драки остались далеко позади. Теперь тетя Мадлен с мамочкой вступали в ту пору, когда общие воспоминания о детстве, о потерянном навсегда доме, об ушедшей матери и брате как магнитом притягивали их друг к другу; память требовала выговариваться, уточнять, делиться, признаваться. То, что так долго скрывалось, таилось в темных углах души, теперь выметалось на свет. Сестры откровенно признавались друг другу во всем. (...) Все вызволялось на свободу и, следовательно, проживалось заново [Служитель 2019, 42].

В ходе артикуляции болезненного опыта, связанного с минувшим, создается единое пространство семейной памяти¹¹, в которое включен и Савелий. Часто повторяемые истории, обрастающие, благодаря сестрам, все новыми и новыми деталями, воспринимаются им как пройденные отрезки собственного жизненного пути, поэтому границы биографического времени героя постоянно раздвигаются. Укорененность бытия Савелия в семейном прошлом рождает страх перед будущим и определяет отношение к настоящему:

Так шли мои дни. Я проводил их в играх, прогулках, упражнениях, занятиях. (...) В детстве время равно самому себе. Оно приходится тебе в самую пору. Не спешит, не торопится. Не подгоняет, не тормозит. А потом с ним что-то происходит. Ему словно срывает резьбу. (...) И я боялся будущего. Я боялся, что время испортится. Я не ждал от него ничего хорошего. (...) Я оплакивал каждое сегодня, которое еще даже не успевало превратиться во вчера. Меня восхищало, поражало и пугало это таинственное

аллюзии и реминисценции из книг известных русских и зарубежных авторов (например, *Житейские воззрения кота Мурра* Гофмана, *Школа дураков* Саша Соколова, *Жестяной барабан* Гюнтера Грасса, произведения Самюэля Беккета, Антона Чехова и пр.).

¹¹ Среди представителей гуманитарных наук бытуют различные определения семейной памяти. Морис Хальбвакс считает, что фамильная память – это процесс, регулируемый социальными рамками, призванный прежде всего обеспечить интеграцию индивида с семьей [Halbwachs 1969, 260–261]. Лариса Логунова утверждает: семейно-родовая память “согласует индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти”, а также “сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека” [Логунова 2014, 69]. Анализируя структуру памяти, исследовательница выделяет социокоды – “стабилизирующие элементы”, “социокультурные и смысловые начала общности” [Логунова 2014, 70]. В качестве социокода можно рассматривать первособытия, фигуры героев и жертв, которые формируют мифологию семейной памяти и определяют идентичность индивида. В романе Служителя основным социокодом семейно-родовой памяти главного героя является утрата дома и близких. Савелий бессознательно “впитывает” этот травматический опыт, что позднее негативно отразится на его судьбе.

правило, непреложный закон: уходить навсегда, в никуда. Исчезать, оседать в твоей памяти, как драгоценный песок в сите золотоискателя. Я шел с лапами вперед, с головой, повернутой назад [Служитель 2019, 48–49].

На примере изображения досуга Глории и Мадлен представлены две разновидности бытового времени. Уличные коты, как показано в романе, живут в естественном ритме, их дни заполнены повседневными заботами, направленными на сохранение своего существования. Домашние животные утопают в праздности и ничегонеделании, шаг за шагом теряя самих себя, но именно в этом, по мысли Мадлен, состоит суть договора между человеком и его питомцем¹² [Служитель 2019, 46]. Впрочем, Савелий далек от статичности: внутренняя эволюция героя напрямую связана с перемещением в пространстве и сопряжена с хронотопом дороги. С одной стороны, кошачья “одиссея” отражает взаимодействие протагониста с миром людей (Витя Пасечник, Галя, вахтер Сергеич, Аскар и его друзья, Сеня и Люба), а с другой – с представителями своего вида (Момус, Боцман, Оливер, Грета и т.д.). Этапы взросления Савелия сопровождаются сменой имени (Август, Кай, Сергеич, Темиржан, Жиль, Полифем) и, как следствие, “примеркой” новой личности и определенной социальной роли. В многократном переименовании персонажа можно усмотреть отсылку к роману Водолазкина *Лавр*¹³ (2012), в котором автор использовал тот же художественный прием, чтобы описать духовное преображение героя (Арсений, Устин, Амвросий, Лавр).

Инициатический путь Савелия начинается с обретения временного пристанища в квартире Пасечников, отождествляемой с многочисленными запретами и ограничениями. Роль домашнего питомца в неполной семье сводится к тому, чтобы быть “безропотной тварью, на которой можно (...) срывать свой гнев и раздражение” [Служитель 2019, 83]. Савелий проводит свободное время, тщательно изучая каждый уголок нового места жительства, вызывающего у него неприязнь. В акте метки территории герою видится “бессознательный бунт против сложившейся геометрии комнат, (...) претензия на новый порядок, провозглашение независимого кошачьего анклава внутри человеческого государства Пасечников” [Служитель 2019, 98]. В сущности, на протяжении всего романа Савелий выступает против любых проявлений

¹² Тема овеществления животных проходит красной нитью через весь роман, однако ограниченный объем статьи не позволяет подробно осветить данный аспект.

¹³ Служитель не раз признавался, что является большим поклонником этой книги, а Водолазкина считает литературным наставником.

видового шовинизма и антропоцентризма, поэтому его попытки ассимилироваться в мире людей обречены на провал¹⁴. Герой сбегает от Пасечников и продолжает странствовать. Важно, что на данном этапе он начинает более четко осознавать связь прошлого и будущего, учится использовать силу воспоминаний¹⁵ и косвенно сталкивается со смертью. По мере развития сюжета танатологические мотивы интенсифицируются, постепенно подготавливая читателя к трагической развязке.

Имя Кай, данное Савелию второй хозяйкой Галей, герой носил недолго, поскольку сосуществование с Другими (особенно в замкнутом пространстве) предполагает установление границ, которые желательны не пересекать. А это, в свою очередь, идет вразрез с внутренней сущностью персонажа, являющегося трикстером, проводником. Как ни парадоксально, но вектор движения протагониста направлен одновременно и внутрь, и вовне. Спасаясь бегством от оков скучной жизни, Савелий вместе с тем ищет то единственное место, в которое можно вернуться: “Я знал, что меня любили, что я был нужен, однако не сильно дорожил этим преимуществом. Но одно лишь знание того, что где-то тебя ждут, облегчало мои дни, давало свободу” [Служитель 2019, 125].

Настоящим домом и школой жизни становится для кота Москва. Герой старается детально изучить город и его обитателей, погружается в созерцание окружающего мира. Он часами наблюдает за несчастными москвичами и диагностирует, что их основная проблема заключается в разладе со временем: молодежь пытается казаться старше, старшее поколение стремится выглядеть моложе. Иллюзию власти над Хроносом дарят горожанам “развлечения” (алкоголь, драки, гаджеты) и сама столица:

¹⁴ В этом плане герою противопоставлен кот Оливер, проповедующий философию притворства, заключающуюся в создании иллюзии мнимого господства одного вида над другим: “Вид самого умного животного будит в них чувство интеллектуального превосходства. За это нас так сильно любят. И еще черт знает, чем они нас наделяют. Люди думают, что мы какие-то врачеватели, астрологи, алхимики и телепаты в одном флаконе. Знаешь, когда я был в «Жиле», я часто делал вид, что вижу в воздухе что-то необыкновенное, и мотал мордой, как будто следил за какой-то точкой. Как людям это нравилось! Но представляешь, если бы мы могли ответить на телефонный звонок или обыграть их в шахматы? Среди людей началась бы эпидемия самоубийств. Потому как для сотен миллионов превосходство над нами, рождающее то покровительственное умиление и заботу, – последний якорь, который удерживает их на земле” [Служитель 2019, 248–249].

¹⁵ Например, Савелий намеренно воскрешает приятные эпизоды из прошлого (пребывание с матерью, сестрами и тетей Мадлен), чтобы выстроить заново разрушенный мир.

Мужчины и женщины шатались неприкаянными сонмами по округе. Они убеждали самих себя, что им очень весело живется. Они штопали Марсейку от бара к бару, приводя себя в состояние, когда ничтожность собственного существования заглушается скоротечной эйфорией. (...) Они неслись по улице, сшибая по пути таких же пьяных, бегущих в противоположную сторону, чтобы успеть купить алкоголь до одиннадцати часов. Они изо всех сил пытались ухватиться за время. Доказать себе, что они в эпицентре жизни, что они лучше, моложе, сильнее. Что они знают эту жизнь до конца, что они приспособлены к ней лучше других [Служитель 2019, 126–127].

Образ бытового времени получает дополнительный разворот, когда Савелий по воле случая начинает работать котом-крысоловом в Третьяковской галерее, где получает новое имя в честь вахтера Сергея. Данный эпизод важен в романе, поскольку главный герой открывает для себя формы коллективного сосуществования, учится взаимодействовать с другими котами, однако каждый из них осознает, что это временное положение вещей. После неожиданного “увольнения” с работы Савелий становится случайной жертвой старика-садиста, олицетворяющего злой рок и процесс духовной инволюции человечества. Пожилой господин жестоко избивает животное и оставляет умирать. В повествовании происходит темпоральный разрыв, так как герой-рассказчик теряет сознание, а образовавшийся нарративный пробел заполняют записки художника Белакина¹⁶.

Придя в себя, навсегда изувеченный Савелий узнает, что его спасли и приютили гастарбайтеры. Кота нарекли Темиржаном, и он пополнил круг друзей-киргизов, нелегально обосновавшихся в здании миграционной службы. Инкрустация в роман высказываний на киргизском языке, а также описаний народных обычаев, традиций и досуга новых хозяев Савелия подчеркнула многогранный образ города с присущими ему социальными и этническими контрастами:

И тут и там у молодых людей было очень много свободного времени. Но если в Кыргызстане маялись бездельем только оттого, что совсем не было работы, то здесь работы было полно, но молодежь почему-то от нее бежала. И это тоже ему нравилось. Их безделье было совсем другим. Они ничем

¹⁶ Пятая глава представляет собой поток сознания, хор разрозненных голосов, объединенных фигурой Белакина. Исследователи подчеркивают, что записки “становятся историей души, которая переживается, рефлексивируется и фиксируется на бумаге” [Тишина, Рогова 2020, 107]. Они являются попыткой “показать разные мировоззрения, точкой соприкосновения которых остается поиск ответа на вопрос о месте человека в жизни” [Осипова 2021, 276].

не занимались, как будто знали что-то наперед про эту жизнь; как будто где-то там в отдалении их что-то поджидает, а сейчас им просто не хочется зря растрачивать силы. В них была уверенность [Служитель 2019, 196].

Маргинальное положение, занимаемое мигрантами, сближает их с про-тагонистом, но на данном этапе жизненного пути Савелию важно научиться принимать “нового” себя (лишенного глаза, половины хвоста и зубов), чтобы двигаться дальше. Оказавшись однажды на родной Таганке и заметив произошедшие вокруг изменения, герой понимает, что связь с этим местом уже полностью утрачена, осталась только ностальгия и разрозненные воспоминания, разбивающие биографию на отдельные эпизоды. Тем не менее он убежден, что даже при наличии скромных ресурсов можно интересно выстраивать свою судьбу.

Покинув человеческое общежитие, Савелий выбирает себе случайное имя Жиль и присоединяется к кошачьей коммуне при Елоховском соборе, управляемой “пятеркой достойнейших” [Служитель 2019, 234]. Герой быстро ассимилируется в новой среде и даже склоняется к тому, чтобы связать свою жизнь с этим местом, но, поставленный в ситуацию выбора, отказывается возглавить прайд, поскольку считает себя несформировавшейся личностью. В решении Савелия также выражен протест против социальных условностей, авторитарного гнета и гедонистических установок в обществе. “Он может вести в этой коммуне совершенно разгульный образ жизни, но все-таки это тоже не его, как он понимает. Мне просто хотелось зафиксировать момент, когда он отделяется от кошачьего социума” [Архангельский 2020, online], – поясняет в одном из интервью писатель.

В главе *Село Елохово* Савелий сталкивается лицом к лицу со своим темным прошлым. Один из основателей кошачьей коммуны – Момус, вероятно, является отцом главного героя. Тема безотцовщины и разорванных семейных уз пунктирно пронизывает собой все повествование, определяя характер и судьбу того или иного персонажа. Савелий – внешняя копия родителя, его реинкарнация, как утверждает Оливер. Отца и сына также роднит страсть к авантюрным поступкам и тяга к тем же самым локусам, впрочем, на этом сходства героев исчерпываются: каждый идет своим путем.

Конец духовных поисков Савелия знаменует встреча с кошкой Гретой, которая помогает осмыслить его собственное бытие, ответить на ключевой вопрос: ради чего жить? Во время первой встречи героев происходит, скорее, не знакомство, а узнавание, вспоминание: “Нам казалось мы просто что-то забыли, а сейчас вспоминали” [Служи-

тель 2019, 260]. В романе именно любовь оказывается самым важным экзистенциалом и наиболее действенным способом самопознания. Суваржат Омарбекова пишет: “любовь не просто характеризует человеческое бытие как бытие именно человека, скорее даже она конституирует его в этом качестве” [Омарбекова 2009, 42]. Из этого следует, что способность испытывать чувство любви отличает человека от животного. С данной точки зрения персонаж, созданный Служителем, абсолютно антропоморфен.

Биографическое, бытовое и онейрическое время Савелия и Греты совмещается, образуя совершенно новую темпоральную структуру:

Я только понимал, что время теперь пошло совсем иначе. Оно стало похоже на перетасованную колоду карт. То, что было далеко, отстояло теперь на расстоянии вытянутой лапы, а вчерашние события ушли глубоко в землю. То, что было с ней, я мог поклясться, когда-то произошло и со мной. Так, я слышал, в древности братались викинги. Они надрезали себе вены и прикладывали руки, чтобы их кровь смешалась. Именно это случилось со мной и с Гретой. Наши истории перепутались, и порой мы уже не могли сказать наверняка, какая с кем случилась. У нас была любимая игра: мы задавали друг другу вопросы из нашего прошлого и почти всегда безошибочно на них отвечали. (...) Мои дни разбухли, стали вмещать в себя бесконечное количество времени [Служитель 2019, 262].

Пара поселилась в саду имени Баумана, а их спутниками на какое-то время стали пти-брабансон Людвиг и кот Боцман. Писатель рисует безмятежные картины совместного досуга героев: лазанье по деревьям, обеды, игры, посещение концертов и открытых кинотеатров, прогулки. Однако длительное пребывание в социуме чуждо как для Савелия, так и для Греты, поэтому они покидают свой парадиз и ненадолго останавливаются в особняке Морозова, где поддавшись магии прошлого, коим пронизано данное пространство, принимают решение жить за тех, кого уже нет рядом. В этот момент герой прозревает, что память и любовь – синонимичные понятия, характеризующиеся невероятной силой, способной повернуть время вспять и восстановить утраченное. Тем не менее обладание готовой истиной не помогает ему принять уход Греты. Идиллическое время быстро сменяется в романе кризисным, когда, как указывает Бахтин, “миг по своему внутреннему значению приравнивается к «биллиону лет», то есть утрачивает временную ограниченность” [Бахтин 2019, 225]. После смерти возлюбленной Савелий покидает их последнее пристанище, кафе “Котопойнт”, и заканчивает жизнь самоубийством, повторяя судьбу своего исторического двойника Саввы Морозова¹⁷.

Тема двойничества наиболее полно раскрывается в снах и галлюцинациях героя. В онейрическом пространстве Савелий ощущает присутствие неродившегося брата, художника Белаквина, Момуса и, разумеется, владельца особняка из рода купцов-старообрядцев:

Я шел по пустыне. Я был из стекла. Песчинки со звоном стучались о мои прозрачные стенки. Вдруг посреди пустыни возник рояль. Положив локти на его деку, стоял мой тезка Савва Морозов. На нем был фрак, и в руках он держал хризантему, от которой отрывал по лепестку. Потом посмотрел на меня исподлобья и сказал: “А сестренка тоже недурна, недурна...” – и запрыгал к окну, которое я не сразу приметил. Причем ноги он умудрялся по-кошачьи ставить впереди головы, а хвост его был убран в дополнительный рукав. Снова вокруг разлилась тихая, теплая нота. Время остановилось, а потом начало медленно раскручиваться в обратную сторону. Я застыл. Окоченел доисторической мошкой в капле янтаря. Я замер. В этом оцепенении я хотел бы оставаться всегда [Служитель 2019, 204].

Сновидения для героя столь же важны, как и фаза бодрствования. Уход в сон – это не только вид эскапизма и форма досуга¹⁸, но и способ духовного контакта с иными мирами. Первая встреча кота со своим тезкой заканчивается погружением персонажа в первозданный хаос, он летит в кромешную тьму, охваченный страхом, что его движение никогда не прекратится. Во время второго сновидческого свидания зооморф Савва Морозов оставляет Савелия в пустыне, разворачивая при этом время вспять, но герою нравится состояние оцепенения, в котором он пребывает. Онейрическое время¹⁹ относят к разновидности внутреннего (перцептуального, персонального) времени, поскольку “оно принадлежит внутреннему миру персонажа и измеряет ситуации его альтернативного существования и духовного приключенчества” [Савельева 2013, 58]. В *Днях Савелия* онейрическое время обладает следующими свойствами: инверсивность, ретроспективность, калейдоскопичность и неконтиуальность. Стоит обратить внимание на то, что

¹⁷ По официальной версии, фабрикант Савва Морозов застрелился 13 мая 1905 года в номере каннского отеля. Более подробно об этом можно прочитать в монографии Анны Федорец *Савва Морозов*. См. А. Федорец, 2013, *Савва Морозов*, Москва (глава *Финал*).

¹⁸ Савелий и Грета видят общие сны сродни фильму, т.е. сновидение рассматривается ими как развлечение.

¹⁹ Под данным термином понимается “время, замкнутое внутри сновидения, а значит и внутри онейрического текста” [Савельева 2013, 57].

в онейросфере произведения особое место занимают категории прошлого и будущего, а в отдельных эпизодах романа наблюдается взаимная подмена этих временных отрезков:

Все вокруг как будто удвоилось, потом утроилось, а потом и удесятерилось. Мы с Гретой размножились, и куда хватало глаз, наши двойники уходили вдаль сквозь бесчисленные анфилады, как если бы приставить два зеркала друг к другу. От усов во все стороны исходили лучи. Мы плескались в бирюзовой пыли. Мы как будто вспоминали все, что будет, и мечтали обо всем, что было [Служитель 2019, 341].

Таким образом Служитель, по сути, иллюстрирует эйнштейновский тезис, что время – иллюзия. Возможно, здесь сказалось и влияние идей Водолазкина, который, развивая мысль Дмитрия Лихачева, показал в своих произведениях, что в контексте вечности время лишается всякого смысла, другими словами, перестает существовать. Если подходить с этой точки зрения, то финал романа *Дни Савелия* становится вполне логичным и понятным. Время – это конструкт нашего сознания, приобретающий те или иные очертания благодаря памяти.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что *Дни Савелия* – это не только роман о пространстве, но и о времени, которое следует интерпретировать двояко: как категорию художественного мира и проблемно-смысловой стержень произведения. В романе представлены разные темпоральные модели (социально-историческое, биографическое, бытовое, идиллическое, кризисное и внутреннее время), которые скоррелированы друг с другом и объединены фигурой кота-повествователя. Савелий репрезентирует маргинальный тип героя, он странствует от одного хозяина к другому в поисках себя. Отсюда центральное место в произведении занимает хронотоп дороги, связанный, с одной стороны, с концептом метафизической бездомности, с другой – с внутренней эволюцией персонажа. Второй по значимости локус – это особняк Морозова, где происходит наложение разных временных планов. Главному герою чужды формы как человеческого, так и “животного” общезития, поскольку он не приемлет социальных условностей и того состояния, в котором находится современное общество. Для понимания смысла собственной экзистенции ему было необходимо встретить родственную душу, и долгожданная встреча состоялась. Гармоничное “бытие-в-мире” и преодоление разлада со временем возможны благодаря преображающей силе любви. В финале своей духовной эволюции Савелий приходит к выводу, что любовь и память – две стороны одной медали, то самое “ради чего”.

Литература

- Arhangel'skij A., 2020, «*On – kot. I ne kot. Odnovremенно*», “Ogonek” nr 1. [Архангельский А., 2020, «*Он – кот. И не кот. Одновременно*», “Огонек” № 1], [online], <https://www.kommersant.ru/doc/4214703>, [20.10.2021].
- Aslanova A., 2021, *Grigorij Služitel'*. [Асланова А., 2021, *Григорий Служитель*], [online], <https://www.lapersonne.com/post/grigorii-sluzhitel/>, [20.10.2021].
- Bagratiun-Muhraneli I.L., 2021, *Genius loci romana G. Služitelâ «Dni Saveliâ»*, “Filologiâ i kul'tura” nr 3 (65), s. 56–60. [Багратион-Мухранели И.Л., 2021, *Genius loci романа Г. Служителя «Дни Савелия»*, “Филология и культура” № 3 (65), с. 56–60.]
- Bahtin M.M., 2019, *Problemy poëтики Dostoevskogo*, Moskva. [Бахтин М.М., 2019, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва.]
- Bahtin M.M., 1986, *Ėstetika slovesnogo tvorčestva*, Moskva. [Бахтин М.М., 1986, *Эстетика словесного творчества*, Москва.]
- Dzajkos È.N., Zelenina V.S., 2021, *Simvoličeskie detali kak markery tragizma sud'by v romane Grigoriâ Služitelâ «Dni Saveliâ»*, “Kazanskaâ nauka” nr 2, s. 14–16. [Дзайкос Э.Н., Зеленина В.С., 2021, *Символические детали как маркеры трагизма судьбы в романе Григория Служителя «Дни Савелия»*, “Казанская наука” № 2, с. 14–16.]
- Fedorec A., 2013, *Savva Morozov*, Moskva. [Федорец А., 2013, *Савва Морозов*, Москва], [online], https://www.litmir.me/br/?b=197320&p=1#section_1, [15.12.2021].
- Glazkova M.M., 2021, *Funkcional'nost' priemov komizma v romane Grigoriâ Služitelâ «Dni Saveliâ»*, “Neofilologiâ” nr 27, s. 467–474. [Глазкова М.М., 2021, *Функциональность приемов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия»*, “Неофилология” № 27, с. 467–474.]
- Hajdegger M., 1993, *Vremâ i bytie*, per. Bibihin V.V., Moskva. [Хайдеггер М., 1993, *Время и бытие*, пер. Бибихин В.В., Москва.]
- Halbwachs M., 1969, *Spoleczne ramy pamięci*, przeł. Król M., Warszawa.
- Idrisova Ž., 2020, *Grigorij Služitel': «Posle knigi u menâ čuvstvo kakoj-to osoboј rodstvennosti s Moskvoy»*, “Vse o mire stroitel'stva” nr 1 (13), s. 68–75. [Идрисова Ж., 2020, *Григорий Служитель: «После книги у меня чувство какой-то особой родственности с Москвой»*, “Все о мире строительства” № 1 (13), с. 68–75], [online], <https://voms.ru/articles/grigorij-sluzhitel-posle-knigi-u-menya-čuvstvo-kakoy-to-osoboy-rodstvennosti-s-moskvoy/>, [10.12.2021].
- Korobkova E., 2019, *Grigorij Služitel': U menâ est' obâzatel'stva pered kotami*. [Коробкова Е., 2019, *Григорий Служитель: У меня есть обязательства перед котами*], [online], <https://www.kp.ru/daily/27067.4/4135518/>, [10.12.2021].

- Logunova L.Û., 2014, *Semejno-rodovaa pamât': vremennye ipostasi i social'nye resursy*, "Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta" nr 379, s. 69–75. [Логунова Л.Ю., 2014, *Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы*, "Вестник Томского государственного университета" № 379, с. 69–75.]
- Lotman Û.M., 1992, *Izbrannye stat'i v treh tomah*, t. 1: *Stat'i po semiotike i topologii kultury*, Tallin. [Лотман Ю.М., 1992, *Избранные статьи в трех томах*, т. 1: *Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллин.]
- Nora P., 1999, *Problematika mest pamâti*, per. Naraeva D. [Нора П., 1999, *Проблематика мест памяти*, пер. Хапаева Д.], [online], <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/upload/6ec/nora1-arph7asf0ow.pdf>, [19.11.2022].
- Omarbekova S.V., 2009, *Lûbov' kak êkzistencial ÷elove÷eskogo bytiâ*, "Nacional'nye priorityety Rossii" nr 1, s. 41–46. [Омарбекова С.В., 2009, *Любовь как экзистенциал человеческого бытия*, "Национальные приоритеты России" № 1, с. 41–46.]
- Osipova O.I., 2021, *Povestvovatel'naâ polifoniâ v romane G. Služitelâ «Dni Saveliâ»*, "Nauçnyj dialog" nr 11, s. 270–280. [Осипова О.И., 2021, *Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия»*, "Научный диалог" № 11, с. 270–280.]
- Rarenko M.B., 2022, *Gorodskoj landsaft v romane G. Služitelâ «Dni Saveliâ»: social'nye aspekty*, "Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki" nr 5 (860), s. 127–132. [Раренко М.Б., 2022, *Городской ландшафт в романе Г. Служителя «Дни Савелия»: социальные аспекты*, "Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки" № 5 (860), с. 127–132.]
- Savel'eva V.V., 2013, *Hudožestvennaâ gipnologiâ i onejropoëtika russkikh pisatelej. Monografiâ*, Almaty. [Савельева В.В., 2013, *Художественная гипнология и онейропoeтика русских писателей. Монография*, Алматы.]
- Služitel' G., 2019, *Dni Saveliâ*, Moskva. [Служитель Г., 2019, *Дни Савелия*, Москва.]
- Služitel' G., 2019, *Kot i kentavr (Neskol'ko slov o sozdanii knigi «Dni Saveliâ»)*, [w:] *Tekst i tradiciâ*, 2019, red. Vodolazkin E., t. 7, Sankt-Peterburg, s. 404–409. [Служитель Г., 2019, *Кот и кентавр (Несколько слов о создании книги «Дни Савелия»)*, [в:] *Текст и традиция*, 2019, ред. Водолазкин Е., т. 7, Санкт-Петербург, с. 404–409], [online], <http://lib2.pushkin.skijdom.ru/Media/Default/PDF/Sborniki/Text%20i%20trad/%D0%A2%D0%A2-7%20%D0%B2%20%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf>, [20.10.2021].
- Tišina E.V., Rogova E.E., 2020, *Povestvovatel'nye osobennosti v romane G. Služitelâ «Dni Saveliâ»*, [w:] *Problemy gumanitarnyh nauk i obrazovaniâ v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskogo nauçno-praktičeskogo foruma*, 2020, red. Šakurova M.V., Voronež, s. 105–108. [Тишина Е.В., Рогова Е.Е., 2020, *Повествовательные особенности в романе Г. Служителя «Дни Савелия»*, [в:] *Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума*, 2020, ред. Шакурова М.В., Воронеж, с. 105–108.]

ной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума, 2020, ред. Шакурова М.В., Воронеж, с. 105–108.]

Vodolazkin E., 2019, *Dni Grigoriâ*, [w:] Služitel' G., 2019, *Dni Saveliâ*, Moskva, s. 7–9. [Водолазкин Е., 2019, *Дни Григория*, [в:] Служитель Г., 2019, *Дни Савелия*, Москва, с. 7–9.]

THE CONCEPT OF TIME AND EVENT
IN THE GRIGORIY SLUZHITEL'S NOVEL *THE SAVELY'S DAYS*

ABSTRACT

Key words: chronotope, Modern Russian Literature, Grigoriy Sluzhitel, the Past, memory

The aim of this article is to study the chronotope (relation between time and space) and literary time diversity in contemporary Russian literature on the basis of Grigoriy Sluzhitel's *The Savely's Days*. Martin Heidegger's concept of event (*Ereignis*) related to the temporal structure of the text is analysed as well. Different configurations of literature time were described. The author examined: 1) real historical time on a social scale; 2) lifetime of a particular person; 3) time of everyday life divided into periods of work and recovery; 4) idyllic time as well as a period of crisis; 5) one's inner perception of time, including memories and the oneiric time. It was discovered that the borders between different layers of time in *The Savely's Days*, Sluzhitel's first novel, are conditional and permeable. Time in the novel is not only a category of literature, but one of the most significant concepts, as it becomes an object of the main character's (cat Savely's) reflection. In addition, the issue of memory and memories as well as literary time-space relations was analysed.